- Миура-сан, сэр, какого черта нам делать?"

Люди были напуганы, и это было правильно. Их и без того ничтожные шансы на победу стали еще меньше. Было бы разумно отступить... но после того, как они зашли так далеко, было жестоко сдаваться.

Генге погладил подбородок, пытаясь придумать альтернативный план атаки. Но с теми числами, которые у них были, и без стрел, оставалось очень мало вариантов, открытых для них.

Он вздохнул, отчаянно желая отрубить Тоде голову, но он чувствовал, что неправильно заставлять мужчин делать это.

- Шансы не в нашу пользу. Если бы лучше было отступить.

Он повернул коня и медленной рысью направился к лесу. Это было решение, которое он не хотел принимать, но, вероятно, оно было правильным.

- Нет...

Из-за его спины раздался тихий голос: Мужчины удивленно обернулись.

- Китадзе..?

Осторожно спросил Генге, изо всех сил стараясь поверить в то, что услышал.

Мальчик подтвердил свою мотивацию, крепче сжимая копье и суровея лицом. Он не смог скрыть страха, но заговорил снова, на этот раз сильнее.

- Нет! Мы не можем оставить все как есть. Ты назвала меня храбрым, Миура-сан....

Он шмыгнул носом, пытаясь продолжить.

- Никто никогда не называл меня храбрым. Все всегда называли меня трусом... но я еще ничего не сделал! Я не боролся с этим чувством. Ты храбрый человек, Миура-сан!

-Я знаю, что ты хочешь драться... я это вижу. Все здесь знают, что это так... Мне страшно. Я испуган. Но ты гораздо храбрее меня - любого из нас! Если это ты, Миура-сан, то мы можем победить! Мы можем убить этого ублюдка!

Он говорил страстно, хотя глаза его были полны слез. Все знали, как трудно ему было это сказать. И оттого, что они это знали, то, что он сказал, было еще более сильным.

Генге ничего не мог сказать. Его глаза округлились, рот открылся. Он никогда не думал, что его действия – и его слова – будут иметь такой эффект на людей.

- Фу ... если эта маленькая креветка не собирается бежать, то что же будет с остальными, если мы это сделаем?

Охранник заговорил, скрипя зубами: Это был трудный выбор.

Его слова вызвали ропот согласия среди мужчин.

- Да. Я тоже буду драться. В этом мире для меня не так уж много осталось. Жена умерла несколько лет назад. Я буду честен с вами, ребята – это самое большое волнение, которое я испытывал за последние десятилетия. Я в деле, парень. Давай разрежем этого гребаного Кера на куски.

Затем заговорил Ниро, встав рядом с охранником и Китадзе. Генге ничего не мог им предложить, кроме кивка, исполненного величайшего уважения. Это были храбрые люди.

-Ты замечательный человек, братишка. Даже если бы эти люди не захотели встать рядом с тобой, я всегда буду рядом. Ты спасал нас бесчисленное количество раз-позволь мне помочь спасти тебя.

Масаацу повернулся лицом к остальным мужчинам, которые еще не произнесли ни слова, и его длинные волосы взметнулись вверх.

-А как насчет остальных? Я отказался от сегодняшней жизни. Меня это не волнует. Я отдам свою жизнь без малейшего колебания за возможность встать рядом с моим братом и достичь славы, о которой он говорит.

-Неужели тебе не надоело быть простым крестьянином и простым стражником? Конечно, ты чувствуешь это. Здесь что-то есть. Наши пальцы сжимают Нити судьбы. Все зависит от нас. Мы, люди низкого происхождения, были избраны, чтобы решить исход битвы самураев. Это вершина моей жизни. Я никогда не чувствовал такой энергии. Для меня большая честь служить рядом с моим братом.

Он говорил с энергией и страстью полководца. Слушая его, Генге почувствовал, как по спине поползли мурашки. Подумать только, что есть такой великий человек, который так высоко о нем думает.

На мужчин эта речь произвела такое же впечатление, как и на него, и те, кто колебался, нашли в себе мужество двинуться вперед.

-К черту все это... я в деле! Парень прав. Это наш момент, чтобы доказать свою ценность!

- Ага! Я мечтал об этом еще мальчишкой. И вот мое время пришло. Я боюсь-черт возьми, я в ужасе, – но будь я проклят, если проживу остаток своей жизни в сожалениях.

-Я с тобой, парень!

Раздались крики, и боевой дух взмыл вверх. Копья были подняты высоко,и намерения укрепились. Несмотря на подавляющее неудобство, в котором они сидели. Несмотря на полное отсутствие плана. Несмотря на отсутствие у них опыта. Несмотря на их сильный страх. В этот момент – хотя они и рисковали своей жизнью-впервые за все годы своего существования они наконец начали жить.

Не было слов, которые могли бы отдать должное такой страсти, и поэтому их командир не произнес ни одного. Вместо этого он широко улыбнулся, вдохновленный их храбростью, и поднял свое копье высоко в воздух, чтобы ответить на их призыв.

Ударив пяткой в бок своего коня, он рысью двинулся вперед, навстречу врагам. В этот момент их эмоции были настолько созвучны друг другу, что даже не нужно было произносить формацию. Мужчины приняли небрежный вид наконечника стрелы, как будто делали это со дня своего рождения.

Их скорость сравнялась со скоростью лошади их предводителя, и они побежали вперед, сокращая расстояние между собой и своими врагами, их копья были полностью вытянуты, готовые разорвать все, что стояло на их пути.

-РРРРРРРРРРРРРРАААААААААААААААААААААААААААААААААААААА!

Когда они бросились в атаку, раздался яростный крик. Крик, который был подпитан эмоциями, достойными жизни. Они не чувствовали ни единой боли в теле, ни малейшего намека на боль. Их состояние было идеальным.

Высокая трава съежилась от их могучего шага, и они ускорили шаг, становясь все ближе к сбитому с толку врагу, который не мог поверить, что найдется кто-то настолько глупый, чтобы так бездумно броситься на смерть.

Но именно такими они и были – дураками. Самые первоклассные дураки, которые когда-либо жили. Сила их чувств и свирепость их морального духа заставляли врага съеживаться, боясь встретить их агрессивное нападение лицом к лицу.

Зеленый змей выкрикнул приказ, и перед ними образовалась стена из 25 копий. Всадники пришпорили лошадей, намереваясь вцепиться им в бок, как только атака будет встречена.

Даже когда эти злобные острия вонзились наружу, умоляя забрать их жизни, ни один человек не съежился. Они даже не замедлили шаг. Вместо этого они ускорились, достигнув такой

скорости, какой никогда не имели в своей жизни. Любой ограничитель, наложенный на использование их мышц, был удален, поскольку разум и тело действительно были связаны.

Черный жеребец рванулся вперед, образуя острие этой стрелы. Взмахнуло копье, и только один человек попал в глаза всадника. Он не обращал внимания на стену Яри и сосредоточился на том, чтобы убить одного-единственного человека.

Он поднялся в седло с большей легкостью, чем в прошлый раз. Он пригнулся, как охотящийся тигр, его равновесие было безупречным, а намерения беспощадными.

ВУУУХ

Сильный удар. Их инерция была существенной, и огромный звериный черный Боевой конь пробил значительную брешь в стене людей. Они пронзили его своими копьями, глубоко ранив, но он отказался падать. Он встал на дыбы, отбиваясь передними ногами, а затем грубо ударил их задними копытами.

Остальная часть наконечника стрелы встретилась со стеной секундой позже, расширяя разрыв и убивая многих первым безумным зарядом.

Ядовитый человек взвизгнул от страха и отчаянно пнул лошадь, заставляя ее двигаться.

Однако было уже слишком поздно. Крадущийся тигр уже начал свой прыжок. Расстояние между ними было огромным, и его нельзя было преодолеть одним прыжком.

И все же он угрожал сделать именно это. Шквал копий пронзил его тело, замедляя его лишь на долю секунды, но он едва почувствовал это. В его глазах был только один человек.

Его прыжок, даже с учетом инерции их атаки, оказался слишком коротким. У него не было никакой возможности сделать это. Но это была не его очередь сдаваться. Держа тяжелый Яри в одной руке, он умолял свои мускулы полностью расслабиться и придать устойчивость его удару.

Его рука вытянулась вперед со скоростью, которая не должна была быть возможной, и его удар остался верным.

СПЛЮТ

На горле змеи появилась рана. Рана мельчайших размеров, нанесенная самым острием острого стального Яри.

Он вцепился в нее когтями, удивляясь, почему от такого крошечного укола так много крови. Он начал задыхаться от ужаса. Его глаза вылезли из орбит, когда он попытался вдохнуть.

Ощущение покинуло его ноги, и он начал двигаться в сторону, прежде чем его тело онемело, и он упал на пол, мертвый.

Едва заметная улыбка появилась на губах Генге, когда он почувствовал, что его зрение почернело, и позволил своему сознанию исчезнуть. Он победоносно упал на пол.

Он не знал, что произошло с этого момента, но если бы он увидел это, то, вероятно, не смог бы сдержать слез.

Боевой дух солдат упал до такой высоты, которой они не достигли даже во время атаки. Они прорвались сквозь стену людей и окружили тело Генге, сражаясь, как медведь, которому угрожают его детеныши. После этого ни один клинок, ни одно копье не смогли достичь тела их командира. Они продолжали сражаться, почти подавленные массой людей, которые напирали на них. Они сражались ожесточенно, очень долго, делая больше, чем в человеческих силах.

Ни один из них не проявил слабости. И ни один из них не пожалел о своем решении. Они сражались с храбростью Львов, и даже когда они были покрыты ранами, мужчины отказались идти вниз.

Они бы с радостью умерли в тот день. Но со своим странным намерением судьба решила, что их уничтожение не произойдет. Как раз перед тем, как они достигли точки истинного истощения, стук копыт успокоил их слух, и из леса выехали два красных демона, ведя за собой Орду окровавленных людей.

Подкрепление действовало без колебаний, врезавшись в массу людей, окруживших остатки боевого подразделения асигару. Через несколько минут бой был окончен, и люди разошлись, открыв окровавленный труп Миуры Тадакаты, который в возрасте 18 лет возглавил подразделение и убил вражеского командира своими собственными руками, обеспечив победу и мир для жителей своей деревни.

Его легенду будут помнить долго, очень долго.

http://tl.rulate.ru/book/33825/1086234